

он князь Владимирский, имеющий сына Георгия и брата Даниила Александровича.

Таким образом, становится очевидным, что изображение обстоятельств, сопутствовавших основанию Москвы, какое мы имеем в «Сказании», не имело исторической основы. Предстоит решить вопрос о возможных литературных источниках, использованных автором «Сказания», и выяснить способ обработки этих источников.

Еще С. К. Шамбинаго заметил, что в ряду источников «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» главная роль принадлежит «Повести о зачале Москвы».⁴ Однако в «Сказании» основная тема «Повести о зачале Москвы» — создание Москвы «на крови» оказалась на втором плане и убийство князя стало поводом к дальнейшим событиям — убийству Кучки и основанию на месте его сел города Москвы. Так была нарушена историческая (или по крайней мере закреплённая преданием) последовательность фактов, предшествовавших основанию Москвы и связанных в дальнейшем с обстоятельствами, при которых возникла будущая столица Русского государства. Но этим не ограничивается в «Сказании» отход от истории и даже от той ограниченной «историчности», какая все же выдержана автором «Повести о зачале Москвы». События, имевшие место в середине XII в. (основание Москвы Юрием Долгоруким) и в 1170-е годы (убийство Андрея Боголюбского и месть за него брата убитого — Михаила), перенесены в XIII в. и включены в вымышленные биографии сыновей Александра Невского.

Таким образом, в общем плане автор «Сказания» отошел от последовательности рассказа «Повести о зачале Москвы». Но в построении отдельных частей связь обоих произведений обнаруживается без труда, сохраняется она и в отдельных деталях. Проследим за характером этой связи.

С. К. Шамбинаго отметил близость вступительных строк «Сказания» (названных им эпиграфом) к словам «враждующих соседей» из предисловия к «Повести о зачале Москвы», однако он допускал, что эти строки были «ходячим выражением» и потому могли проникнуть в «Сказание» независимо от «Повести».⁵ Вряд ли, однако, два автора, независимо один от другого, могли включить именно в начало своего рассказа на одинаковую тему одно и то же «ходячее выражение» (других случаев употребления его в литературе нам неизвестно). К тому же отголоски «Повести» встречаются в разных частях «Сказания», и поэтому нет основания и вступительные строки его отрывать от этого источника. Но С. К. Шамбинаго не отметил того, что из всего остро публицистического и притом окрашенного полемикой с «враждующими» предисловиями к «Повести» автор «Сказания» воспользовался лишь этими словами: «И почему было Москве царством быть и кто то знал, что Москве государством слыть». Не отметил исследователь и того, что в передаче автора «Сказания» эти слова потеряли тот оттенок иронического сомнения, какой они имеют в «Повести», где они вложены в уста «враждующих», не допускающих, что Москва может слыть великим царством. Если в «Повести» предисловие выражает основной замысел произведения — Москва — третий Рим и создана она, как и оба древних Рима, «на крови» и дальнейший рассказ доказывает эту мысль, то в «Сказании» вступительные строки, вырванные из контекста, не связаны так органически с последующим изложением и тему основания великой столицы «на крови» не выделяют как особо важную. Может быть,

⁴ С. К. Шамбинаго. 1) Повести о начале Москвы. — ТОДРА, т. III. М.—Л., 1936, стр. 83—91; 2) История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 247—249.

⁵ С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы, стр. 83.